Волчья луна

Автор:
Линкольн Чайлд

Волчья луна

Линкольн Чайлд

Джереми Логан #5Книга-загадка, книга-бестселлер

Продолжение легендарного приключенческого цикла от автора бестселлеров New York Times.

В недобрые времена историк Джереми Логан приехал в пансионат на территории знаменитого природного парка, чтобы завершить монографию о средневековой ереси. Странные убийства совершаются в его дебрях, и абсолютно неясно, кто мог напасть на жертв и так их растерзать: то ли медведь, то ли волки, то ли одержимый извращенной жестокостью человек. Ни одна версия не кажется подходящей. И только участвующий в расследовании лесной рейнджер Рэндалл Джессап знает, что его старый университетский друг Джереми не только историк, но и энигматолог, специалист по разгадыванию необъяснимых загадок в любых, даже самых трудных условиях. Его помощь в этом деле – единственная возможность выяснить правду…

Линкольн Чайлд

Волчья луна

Lincoln Child

Full Wolf Moon

© 2017 by Lincoln Child. This translation published by arrangement with Doubleday, an imprint of The Knopf Doubleday Publishing Group, a division of Penguin Random House LLC

© Юркан М., перевод на русский язык, 2017

© Издание на русском языке, оформление. «Издательство «Э», 2018

* * *

Посвящается Веронике

«Волчье полнолуние» – так когда-то индейцы-алгонкины[1 - Одна из индейских языковых групп, представители которой преимущественно расселены в северо-восточной части США и юго-восточной части Канады.] называли январское полнолуние, когда стаи оголодавших волков завывали около поселений коренных американцев.

1

Вечером в половине восьмого Палмер в очередной раз сделал привал, чтобы перекусить сухофруктами с орехами и питательным батончиком, достав запасы из кармана крышки своего рюкзака. Он проклинал те часы, когда не мог себе позволить настоящего ужина – горячего, пропаренного на титановой сковороде, – пока не находил хорошего места для палатки и ночлега.

Пережевывая протеиновый батончик, он неспешно обводил взглядом дремучие завалы и заросли. Изначально он понимал, что ему предстоит пройти по трудному маршруту, полагал, что хорошо знаком с этими краями, однако оказался совершенно не подготовленным к сложностям сегодняшнего похода. «Похоже, все истории – правда», – мрачновато подумал он.

Это были вторые выходные июля, солнце как раз начало соскальзывать к западному горизонту, но он не мог до сих пор разглядеть Уединенную гору, находившуюся, возможно, всего в четырех милях к северу.

Возвышаясь там в одиночестве, она круто спускалась к зеркальной глади темно-синего озера, и его зеленые берега словно насмехались над ним своей кажущейся доступностью. Всего четыре мили птичьего полета на север, но для путника они могли обернуться сорока милями.

– Дерьмо, – проворчал он, запихивая обертку энергетического батончика обратно в карман и отправляясь дальше.

Вершина Уединенной горы достигала высоты всего трех с четвертью тысяч футов, что не позволило ей войти в состав сорока шести «признанных» высоких вершин горного массива Адирондак[2 - Адирондак – находится в северо-восточной части штата Нью-Йорк.]. Но при этом вертикальные подъемы и удаленность от других вершин делали ее достойной зарубки на его ремне. Однако самое привлекательное для наиболее настырных пеших туристов, любителей горных подъемов и студентов заключалось в ее удаленности от центра этого обширного природного массива. Гора располагалась в районе Уединенного озера, к западу от пяти знаменитых живописных озер – вероятно, в самой дикой и удаленной части этого паркового комплекса, раскинувшегося на шести миллионах акрах.

Удаленность не беспокоила Дэвида Палмера. Больше всего он как раз любил бродить по глухим лесам, где целыми днями не встретишь ни одного человеческого существа. Но вот подъем на эту гору на самом деле оказался чертовски трудным.

Начался поход вполне прилично. Оставив свой внедорожник под деревьями вершины Болдуин, откуда начиналась северная тропа, он прогулялся пять миль, спустившись по частной лесовозной дороге до самого ее конца. За сим последовали дебри перестойного леса, такого высокого, что под ним царили вечные сумерки, а мягкая почва отказывалась порождать молодую поросль.

Но потом он покинул живописный район Пятиозерья, дикие леса остались позади, и он вышел на подступы к Уединенному озеру. И тогда его быстрая, легкая походка внезапно замедлилась едва ли не до черепашьей скорости.

Местность становилась все более уродливой и пустынной, но труднодоступной для передвижения. Глушь, тянувшаяся до той Уединенной горы, представляла собой своеобразный лабиринт ледниковых болот, бурелома и котловин, вынуждавших путника следить за каждым шагом. Ни о какой тропе здесь, конечно, не могло быть и речи, тут не бродили даже животные, а в перекрещивающихся и извилистых ущельях ему зачастую приходилось полагаться только на свой навигатор. Не раз он соскальзывал с предательских едва различимых под лишайником камней. Слава богу, что он решил идти в своих высоких ботинках-вездеходах, иначе уже давно по меньшей мере мог вывихнуть себе лодыжку.

Через четверть мили Палмер опять остановился. Путь преградил бурелом, через который ему, очевидно, не удастся перелезть с тяжеленным рюкзаком за спиной. Тихо выругавшись, Палмер скинул с плеч рюкзак, протиснул его в самый большой просвет между стволами и сам пролез следом. Концы сухих веток врезались ему в ноги и руки, царапали лицо.

Преодолев завал, он опять закинул за спину рюкзак, тщательно подтянув все крепления. Сейчас, к вечеру, груз уже казался тяжеловатым, и ему хотелось убедиться, что все содержимое надежно закреплено.

Встряхнув рюкзак за плечами, он поудобнее пристроил его на спине. Несмотря на то что большинство походников в наши дни пользовались рюкзаками с внутренним каркасом, Палмер по-прежнему предпочитал конструкцию с внешней рамой. Он любил сложные походы и считал, что рюкзаки с внешней рамой не только легче равномерно упаковывать, но и тащить удобнее.

Солнце скрылось, и в лесу быстро темнело. Такая перемена ощутимо усугубила его положение, словно природное божество постепенно выключало и ближний, и дальний свет. На черное небо поднялась круглая луна, залив пейзаж странным пятнистым и почти призрачным сиянием, однако Палмер не собирался доверять луне: ее неверный свет давал обманчивое представление, скрывая глубины карстовых воронок и оврагов, а сам он, пройдя трудный путь познания, научился не полагаться на случай. Он потянулся к закрепленному на ремне фонарю, вытащил и включил его.

Шел десятый час. Возобновив поход, он мысленно прикинул, что скорость его передвижения снизилась до полумили в час. Конечно, он не сдастся, дойдет до берега Уединенного озера и переночует там, разбив палатку. Но он доберется

туда не раньше полуночи и к тому времени будет так измотан, что вряд ли предстоящее на следующий день восхождение доставит ему удовольствие. Нет: в этих парковых дебрях должно быть местечко, удобное место, достаточно ровное и свободное от завалов, чтобы ему удалось разместить там свою трехсезонную палатку и походную кухню. Горячая еда и мягкий спальный мешок начали представляться ему недостижимой роскошью.

Не в первый раз, осторожно продвигаясь вперед и освещая путь и округу лучом фонаря, он пожалел, что не остался в более цивилизованной части парка с Высокими вершинами. Правда, тропы там зачастую достигали ширины автострады, и приходилось постоянно сталкиваться с другими туристами, но по крайней мере, черт побери, вокруг стоял нормальный лес с полянами, вырубками и просеками, а не здешнее непредсказуемое дремучее буйство…

Он остановился перед колдовскими зарослями калины. Его так поглотило тщательное изучение предательских ям и оврагов, что он не сразу уловил странный запах в воздухе. Палмер принюхался. Слабый, но вполне реальный запах: кисловатый, слегка мускусный; не такой, как у скунсов, но определенно неприятный.

Палмер высветил круг лучом фонаря, но ничего не обнаружил. Пожав плечами, он двинулся дальше.

Луна поднялась выше, залив Уединенную вершину своим играющим светом. Три мили остались позади. Черт, может, ему следовало попытаться в итоге просто расчистить путь к озеру в этих зарослях. С другой стороны, об этом можно подумать на обратном пути, и тогда…

И вот опять он: тот самый запах. Теперь он стал сильнее и противнее, напоминая какую-то звериную тухлятину.

И вновь Палмер остановился, пошарил вокруг лучом фонаря, на сей раз испытав укол тревоги. В его свете поблескивали чахлые стебли подлеска и беспорядочные нагромождения поваленных деревьев, ветвей и сучков. По контрасту с ярким кругом фонарного света лесная тьма выглядела жутко кромешной.

Палмер тряхнул головой. Зловещая заброшенность этого участка вдруг ужаснула его. За целый день он почти не видел животных, лишь промелькнул в кустах одинокий енот да пробежала парочка молодых лисиц. Да и то видел он их в начале пути в перестойном лесу. Ни одно животное крупнее мыши в здравом уме не стало бы жить в таких ужасных дебрях. И все же этот разочаровывающий поход должен закончиться рано или поздно. И тогда, наевшись до отвала мясного чили, он подложит под спальный мешок свой любимый надувной матрас и сможет…

Вонь с новой силой заявила о себе, став уже одуряюще смрадной, и вместе с ней лесную тишину взорвали мощные горловые звуки – отчасти рычание, отчасти ворчание. Они звучали злобно и хищно.

Не раздумывая ни секунды, Палмер бросился бежать. Он бежал так быстро, как позволял ему тяжелый рюкзак, освещая путь безумно метавшимся фонарем, пыхтя и задыхаясь, он перепрыгивал через упавшие деревья и котловины, слыша, как все громче становятся за его спиной сопение и рычание.

Но вот нога неудачно зацепилась за торчащий корень; Палмер неуклюже повалился на землю; тяжесть, не имевшая ничего общего с его рюкзаком, внезапно придавила его – ужасная, раздирающая боль, какой он еще никогда не испытывал, разорвала ему лицо и шею, а жуткое зловонное дыхание окатило мощной волной, два новых взрыва дикой боли… и после них все заволокло красным туманом, быстро сменившимся полным мраком.

2

Три месяца спустя

С окраин Нью-Хейвена дорога вела на север в сторону Уотербери, затем на запад по изгибающемуся шоссе I-84 до того самого места, где она переходила в автостраду штата Нью-Йорк и после моста через Гудзон, соединявшего Ньюбург и Бекон, пересекалась с шоссе I-87 скоростной Нью-Йоркской автострады. Отсюда дорога становилась более прямой, она стремилась на север до самых подножий, где слева к ней подступали небольшие и лесистые Катскильские горы. По мере приближения к Олбани движение на трассе в этот пятничный день становилось все оживленнее. Посвободнее стало где-то в окрестностях Гленс-Фолс, когда все трейлеры и грузовики, перевозившие болиды «Формулы-

1», свернули на трассу Уоткинс-глен. Поток машин поредел, несмотря на то что последнее время увеличилось число туристов и выезжавших на отдых с семьями.

С тех пор как Джереми Логан выехал на своем винтажном «Лотусе Элан» с берегов озера Лейк-Джордж в штате Нью-Йорк, он впервые свернул в зону отдыха рядом с дорогой и – несмотря на приближение вечера и зависшую чуть выше шестидесяти градусов[3 - По Фаренгейту, примерно 15,5 градуса по Цельсию.] температуру – остановился там достаточно надолго, чтобы опустить верх своего родстера.

Прошло пятнадцать лет с тех пор, как он последний раз отправился в такое путешествие, но этот заключительный участок по-прежнему оставался его любимым, и Логан исполнился решимости вволю насладиться им. С каждым оставленным позади городком – Поттерсвилль, Шрун-лейк, Норт-Гудзон – движение редело, а горы вокруг становились все выше, словно вырастая из-под земли. Темные громады Высоких пиков Адирондакского парка взмывали в небеса, гордые и непоколебимые, облаченные в свои октябрьские зеленовато-коричневые и золотисто-красные оттенки, и в сравнении с этими вершинами Катскильские горы, мимо которых он проезжал три часа назад, казались пигмейскими холмами. Из-за ветрового стекла на него обрушивался поток приятного прохладного воздуха, насыщенного сосновым духом. Закатное солнце позолотило лысые вершины более высоких гор, а долины и седловины между ними – скрытые под густыми хвойными, буковыми и березовыми лесами – выглядели еще сумрачнее и таинственнее.

Адирондакское Северное шоссе I-87 – так назывался этот участок федеральной автострады – насколько ему помнилось, изобиловало рубцами и шрамами уплотнительного гудрона, и, задействовав толику воображения, он оживил картины того последнего путешествия, когда проезжал здесь: из стереосистемы тогда доносился приглушенный джаз Джона Колтрейна и Билла Эванса, а рядом с ним на пассажирском кресле сидела его жена, Карен. В приближении этих, казалось, становившихся все выше и грандиознее гор, в отсветах закатного зарева и стремительном наступлении ночи присутствовало нечто такое, видимо, неизменно совпадавшее с этим последним этапом шестичасовой езды из Коннектикута, отчего его пульс учащался и обострялся вкус к рискованным приключениям.

Логан никогда не считал себя фанатом отдыха на свежем воздухе – хотя в юности он неплохо ловил рыбу на искусственную приманку, приученный к

рыбалке одним фанатичным пожилым рыболовом, и обычно ему удавалось пройти восемнадцать лунок в гольфе, набрав меньше трех десятков очков. Но у него начисто не хватало терпения к таким занятиям, как бег трусцой или марафонские дистанции, – подобная деятельность казалась парализующе тупой, ему сразу представлялась белка, без конца бегающая в пресловутом колесе. Но в первые годы его женитьбы в один из длинных за счет праздничного дня уик-эндов, другая пара – они тоже, как он, работали в Йельском университете старшими преподавателями и заодно являлись членами Аппалачского горного клуба – уговорила его и Кит подняться с ними на вершину горы Уайтфейс в Адирондаке, к северу от Лейк-Плэсида. Логан признал с оговорками, что только тогда испытал удовольствие от активного отдыха. Горный туризм мог быть на редкость увлекательным – выбор маршрута, нахождение нужных троп по меткам, наслаждение красотами меняющегося микроклимата по мере подъема, преодоление по-настоящему крутых участков… и в итоге прорыв и выход из лесного пояса и извилистых скальных нагромождений на саму вершину. Оттуда открывались поистине замечательные виды, но само покорение вершины дарило невыразимое вознаграждение. Нет, это не совсем верно, ведь завоевать или даже покорить горы невозможно – скорее это похоже на достижение некоего согласия, взаимопонимания с ними. Такого никогда не испытаешь на беговой дорожке. После восхождения на Уайтфейс они с женой возвращались в Адирондак вновь и вновь несколько лет подряд, став скромными «покорителями вершин»: Алгонкин, Каскейд, Портер, Джаент и, разумеется, вершины Мэрси – высотой в 1629 метров, самой высокой горы штата Нью-Йорк.

Позднее, однако, их карьеры – его преподавательская, а ее виолончельная – стали отнимать у них все больше времени. И все свои отпуска они путешествовали за границей, углубляя его научные исследования, или проводили неделю на Тэнглвудском музыкальном фестивале, где играла Карен, – и в результате трехдневные выходные среди Адирондакских гор остались далеко позади, так же как убегавшее сейчас назад Северное шоссе в зеркале заднего вида его родстера.

В Андервуде он свернул с федеральной трассы на Нью-Йоркскую и поехал по этой дороге, проложенной среди густых лесов, мимо бурных водных потоков, низвергающихся в каменистые ущелья. Он проехал по долине Кин-Вэлли и через сам город Кин, после чего направился прямо на запад к Лейк-Плэсиду и далее к поселку на берегах озера Саранак. Эти туристические базы немного разрослись со времени его последнего приезда, и на их окраинах стали заметнее следы, оставленные в лесах человеком, но эти перемены были едва уловимы, и он продолжал предаваться неотразимым воспоминаниям о последних

путешествиях по здешним лесам.

– Знаешь, Кит, все сохранилось почти таким же, – сказал он, проезжая по заповедному парку, – таким же, как в нашем последнем путешествии, когда мы с тобой забрались на Скайлайт и едва не заблудились в тумане.

Зачастую он невольно ловил себя на том, что разговаривает с Кит, умершей от рака вот уже больше пяти лет назад. Естественно, он поступал так только в одиночестве, однако его разговор был менее односторонним, чем можно было ожидать.

Возле поселка на озере Саранак он свернул налево, туда, в направлении озера Таппер, вела трасса 3. Навстречу ему попалась лишь одна случайная машина, мигнувшая фарами в сыром лесном воздухе. Логан еще не бывал в этой части парка и, учитывая сгустившиеся сумерки, сбросил скорость. Примерно миль через пять его фары высветили справа большие открытые ворота, прорезавшие густой хвойный лес. Ни на воротах, ни рядом с ними он не заметил никакого указателя, только большую металлическую эмблему: кучевые облака, отражавшиеся в волнистой озерной синеве.

Логан заехал в них, преодолел футов двести ухабистой, изрытой колеями грунтовой дороги, и внезапно лес расступился, освободив место большому открытому всем ветрам трехэтажному зданию из темно-коричневых бревен и грубо отесанных камней. Построенное в стиле швейцарских шале, оно темнело под массивной трехскатной крышей из кровельной дранки, а его тесно расположенные дымоходы тянулись вдоль конька почти до самых свесов. Второй и менее высокий третий этажи опоясывали балконы с плетеными перилами, и за рядом больших окон с красными рамами гостеприимно и маняще горело множество ламп и каминов.

Сюда, в эти самые «Облачные воды», Логан и ехал. Но этот пансионат не всегда был известен под таким названием. Шестьдесят лет назад он назывался «Домом дож-девой тени» и входил в число знаменитых «Больших резиденций», построенных богачами в конце XIX века на девственных озерных берегах в северной части штата Нью-Йорк и Новой Англии в качестве летних вилл. И «Дом дождевой тени» с его типичным для Адирондака сельским архитектурным стилем и огромной лодочной станцией, расположенной на берегу одноименного озера, считался самым знаменитым и роскошным.

Однако все это изменилось с 1954 года. С тех пор знаменитой резиденции предстояло служить не более чем обширным пансионатом летнего отдыха для богатейших семей Манхэттена. И Логан притащился из самого своего Коннектикута, чтобы воспользоваться всеми преимуществами нового назначения.

Проехав по дуговой подъездной аллее перед этим особняком, он оставил машину на парковке, вылез из салона, поднялся по ступеням – изрядно стертым и невероятно широким – и, пройдя мимо рядов фирменных белых кресел Адирондака, оказался в вестибюле. Там царила теплая и гостеприимная атмосфера, усиленная приглушенным светом, мягкими золотистыми красками мебели и слегка дымным ароматом горящих в камине поленьев. Глядя на отлично сохранившуюся, почти музейную обстановку, Логан испытал странно приятное ощущение мухи, нырнувшей в янтарь.

Прямо перед ним поблескивала стойка администрации из дерева коричного оттенка, проглядывавшего, похоже, из-под пятидесяти слоев лакировки. При его приближении женщина средних лет подняла голову и улыбнулась.

– Я Джереми Логан, – сообщил он ей, – хочу зарегистрироваться.

– Минутку. – Женщина взглянула на планшетный компьютер, скрытый в недрах стола, словно его, как некий анахронизм, следовало спрятать. – Так, есть. Доктор Логан? Вы пробудете у нас шесть недель.

– Верно.

– Отлично. – Она продолжила изучение каких-то компьютерных записей. – Доктор Джереми Логан? – уточнила она, и внезапно в ее глазах мелькнула искра узнавания, быстро подавленная. – Но тут сказано «историк».

– Да, историк. Помимо прочего.

Нерешительно помедлив, женщина кивнула и вновь уставилась на экран монитора.

– Насколько я понимаю, вам отвели хижину Томаса Коула[4 - Томас Коул (1801–1848) – известный американский художник-пейзажист, основатель Школы реки Гудзон, одной из наиболее влиятельных школ живописи США XIX века.]. Забронировал сам мистер Хартсхорн. Этот коттедж обычно отводят музыкантам или художникам… а писатели и ученые всегда занимали номера здесь, в главном здании.

– Я не забуду поблагодарить его.

– Ваш домик находится сразу за лодочной станцией, не больше двух минут ходу. Я сразу покажу вам его, а потом вы сможете поставить свою машину на соответствующем участке и перенести свои вещи.

– Благодарю, вы очень любезны.

Повернувшись, она открыла застекленный шкафчик и сняла большой ключ с одного из нескольких дюжин латунных крючков. Старательно заперев шкаф с ключами и выйдя из-за стойки, она вновь одарила его дежурной улыбкой, опять вывела из главного здания и провела по плотно утрамбованной дорожке к ближайшей лесной тропе, освещенной двумя рядами фонарей в стекле, похожем на стекло Тиффани[5 - Луис Комфор Тиффани (1848–1933) – знаменитый американский дизайнер, известный своим особым стилем стеклянных элементов интерьера.]. Сосновый аромат был почти всепоглощающим. Примерно через каждые двадцать шагов от основной тропы ответвлялись боковые тропинки, ведущие то направо, то налево, с соответствующими резными указательными столбиками: Альберт Бирштадт, Томас Моран, Уильям Харт[6 - Перечислены знаменитые американские художники, входившие в Школу реки Гудзон.].

Вскоре дежурный администратор свернула на последнюю тропку, надпись на столбике возле которой гласила: «Томас Коул». Там, чуть в глубине, полускрытый деревьями, виднелся двухэтажный коттедж в миссионерском стиле с очаровательной отделкой, однако, очевидно, современной постройки, с ошкуренным бревенчатым фасадом и фундаментом из обломков гранитных валунов.

Женщина вручила ему ключ.

– Уверена, что в коттедже вы найдете все, что вам может понадобиться, – сказала она и глянула на часы. – Уже почти восемь вечера. Кухня закрывается в девять часов, поэтому вам, вероятно, лучше заселиться побыстрее.

– Благодарю вас, – ответил Логан.

Она улыбнулась и удалилась обратно по тропе. Оценив весомость ключа, Логан поднялся на крыльцо, открыл входную дверь и зашел в дом. Щелкнув выключателем при входе, он включил свет и быстро оценил обстановку: дощатый пол с широкими половицами, старинные ковры, современный рабочий столик с вращающимся креслом, встроенные книжные стенки и шкафы из красного дерева, огромный камин из природного камня и отдельно – винтовая лестница, поднимающаяся в спальню. За открытой дверью в дальней стене комнаты он заметил кухню, оборудованную плитой, микроволновкой и винным холодильником. Угождая художественному вкусу, обстановка, однако, весьма функционально сочетала в себе старину и современность.

Оглядываясь вокруг, Логан издал медленный удовлетворенный вздох.

– Знаешь, Кит, – сказал он, обращаясь к жене, – по-моему, это именно то, что нужно. И я предоставлен самому себе на целых шесть недель. Если я не смогу закончить мой опус здесь, то, полагаю, уже никогда его не закончу.

Затем, оставив свет включенным, он покинул коттедж, чтобы забрать багаж.

3

Спустя двадцать минут Логан вновь вышел из коттеджа и направился обратно по тропе с путеводными огоньками, освещавшими лесную дорожку, словно сказочные фонарики. Выйдя на широкую центральную лужайку, он приблизился к главному зданию и помедлил, восхищаясь красотой его конструкции. Оптимистическое чувство, посетившее его во время осмотра бунгало, только усилилось.

Пансионат «Облачные воды» облюбовали люди творческих профессий. Расположенный в самом сердце Адирондакского национального парка, этот пансионат в любое время предоставлял приют нескольким дюжинам

художников, писателей и ученых, которые приезжали сюда на один или пару месяцев, намереваясь поработать над своими индивидуальными творческими проектами: будь то живопись, литература, наука или музыка. Каждому заезжавшему сюда творцу предоставлялся отдельный номер в главном здании или – в случае музыкантов и художников – отдельные коттеджи, разбросанные по лесистой территории. Народ приезжал сюда не развлекаться, а работать, и жизнь в «Облачных водах» подчинялась правилам, способствующим творческому рабочему настрою. Здесь не предусматривалось время коктейлей, никакой организованной деятельности, за исключением редких вечерних лекций и показов некоммерческих фильмов по субботним вечерам. Гости в индивидуальные коттеджи допускались только по приглашению. Ланчи постояльцам подавались индивидуально в номера или коттеджи, а завтраки и ужины устраивали в столовой главного корпуса.

Поднявшись на крыльцо и войдя в здание, Логан заметил нескольких творцов, они приглушенно беседовали, бродя по этому грандиозному вестибюлю группами по два или три человека. Потолок поддерживали пары мощных изогнутых балок, поднимавшихся от противоположных стен и соединявшихся наверху, так что Логану представилось, будто он попал внутрь бортовых шпангоутов перевернутого корабля. Пространства между этими балками украшала удивительно затейливая резьба в виде переплетенных оленьих рогов. На стенах внушительно смотрелись головы медведей, оленей и лосей, очевидно, развешенные там много десятилетий тому назад, а между ними поблескивали блюда с призовыми рыбными уловами, старые фотографии этого парка и пейзажи художников Школы реки Гудзон.

Остановившись около одной компании и поинтересовавшись местонахождением столовой, Логан поблагодарил их и продолжил путь, когда вдруг услышал за спиной чей-то голос:

– Доктор Логан?

Обернувшись, он увидел высокого, довольно крупного мужчину лет семидесяти с небольшим, разрумянившимся лицом, обрамленным почти львиной гривой белоснежных волос. Он улыбнулся и протянул ему руку.

– Я Грег Хартсхорн.

– Приятно познакомиться, – пожав ему руку, ответил Логан.

Логан, разумеется, слышал о Грегори Харстхорне. Он был известным художником в стиле лирической абстракции, основавшим галерею в середине 60-х годов прошлого века в Нью-Йорке, где сделал состояние, продавая не только собственные абстракции, но и картины других художников. Лет тридцать спустя он несколько отошел от искусства, предпочтя стать управляющим в «Облачных водах».

– Я как раз направлялся на ужин, – добавил Логан.

– Надеюсь, вы сочтете его превосходным. Но перед трапезой не могли бы вы уделить мне минутку времени? – И, не дожидаясь ответа, Хартсхорн увлек Логана за собой через вестибюль к неприметной двери и завел в уютный кабинет, чьи стены заполняли эскизы, акварели и ксилографии, среди которых, как заметил Логан, не наблюдалось ни одной собственной работы Хартсхорна.

– Устраивайтесь поудобнее, – сказал Харстхорн, жестом предложив Логану занять место на диване перед его заваленным бумагами письменным столом.

– Неужели вы совершенно отказались от творчества? – спросил Логан, кивнув на увешанные картинами стены.

– Нет, я по-прежнему время от времени делаю свои странные эскизы, – усмехнувшись, ответил управляющий, – но они никак не желают дозревать до законченных картин. Поразительно, в сущности, как много времени пожирает административная работа в таком местечке, как «Облачные воды».

Логан кивнул. Он догадывался, о чем Харстхорну понадобилось поговорить с ним, но решил предоставить высказаться самому управляющему.

Харстхорн занял место за письменным столом, положил руки на поцарапанную деревянную столешницу и, сплетя пальцы, подался вперед.

– Буду краток, Джереми… могу я называть вас просто Джереми?

– Пожалуйста, как вам удобнее.

– Из вашего резюме мне известно, что вы преподаете историю в Йеле. Я также знаю, что вы зарегистрировались у нас как историк. Однако… в общем, с недавних лет, очевидно, вы стали более знамениты, скажем так, своими особыми сенсационными занятиями.

Логан хранил молчание.

– Мне просто… без всякого праздного любопытства, понимаете – интересно, как вы планировали проводить время здесь, в «Облачных водах».

– Вы подразумеваете, не собираюсь ли я увлечься тут чем-то сенсационным?

Харстхорн рассмеялся с легким смущением.

– Грубо говоря, да. Как вам известно, при всем своем природном очаровании «Облачные воды» располагают к творческим трудам. Получая гранты или платя изрядные суммы денег, люди приезжают сюда исключительно ради поиска вдохновения в наиболее спокойной по возможности обстановке. Я предпочитаю думать о проводимом здесь времени как о своего рода роскошном монашеском отшельничестве.

Логан уже собирался поблагодарить управляющего за предоставление ему коттеджа Томаса Коула. Сейчас, однако, он осознал, что это не было проявлением необычайной щедрости – его просто решили изолировать от множества обитателей «Облачных вод».

– Если вас беспокоит, не начнут ли зомби бродить по этой округе или призраки греметь по ночам своими цепями, то вам нечего бояться, – ответил он.

– Какое облегчение. Но, признаться, меня больше беспокоили съемочные группы и журналисты.

– Если они сюда и заявятся, то не по мою душу, – возразил Логан, – я прибыл сюда именно в том качестве, что указал в заявлении. Много лет я пытаюсь завершить монографию о средневековой ереси. Но этому препятствуют как основная работа, так и разные побочные проекты. Надеюсь, что мирный покой «Облачных вод», обеспечив мне необходимую сосредоточенность, позволит

доделать сей труд и поставить завершающую точку.

Напряжение сплетенных пальцев Хартсхорна явно слегка ослабло.

– Благодарю за откровенность. Честно говоря, ваша заявка на пребывание в нашем пансионате стала предметом дискуссии на совете директоров. Я выступил в вашу пользу. И рад слышать, что мне не придется сожалеть о своем выступлении.

Логан кивнул.

– Но, во всяком случае, вы можете понять мои опасения. К примеру, вы знакомы с Рэндаллом Джессапом?

– Рэндаллом Джессапом? – Логан задумался. – Когда-то в Йеле я дружил с человеком, носившим такое имя.

– В общем, теперь он служит лейтенантом рейнджеров в Нью-Йоркском отделении охраны лесов. И он заглядывал к нам сюда сегодня днем, интересовался, когда мы ожидаем вашего прибытия.

– А как он вообще узнал, что я собираюсь приехать в «Облачные воды»? Я давно не общался с ним.

– Как раз это меня и беспокоит. Я не представляю, как он пронюхал об этом. Хотя ваше прибытие в «Облачные воды» проходит под рубрикой «местные новости». При всей своей обширности Адирондакский парк в определенном смысле склонен оставаться небольшим людским сообществом. Должно быть, кто-то из нашего персонала узнал ваше имя, рассказал приятелю, и вот эта новость пошла гулять по парку… Вы же знаете, как разлетаются слухи.

Логан знал.

– Но в любом случае давайте оставим в покое эту тему. Я убедился, что вы прибыли сюда как ученый-историк, и желаю вам успешного завершения монографии. Дайте мне знать, если у вас появятся какие-то пожелания для более комфортной работы. Итак, более я вас не задерживаю. Кухня скоро

закроется.

Хартсхорн вышел из-за стола, и они вновь обменялись рукопожатием.

4

Столовая, как и ожидал Логан, напоминала те, в которых он питался, когда приезжал раньше отдыхать на известные турбазы Адирондака: обстановка полностью соответствовала миссионерскому стилю и дополнялась японскими ширмами, светильниками с берестяными плетеными абажурами, выставочными витринами, изобиловавшими оригинальными жеодами и древними индейскими артефактами, а также камином, сложенным из тесаного камня, достаточно большим для приготовления в нем целой лошадиной туши. Столовой удавалось производить впечатление как сельской простоты, так и богатой изысканности. Озабоченный тем, что сказал ему Хартсхорн, Логан выбрал неприметный столик в дальнем углу, поймав на себе лишь несколько любопытных взглядов. Еда оказалась превосходной – тушеные ребрышки и маринованный дикий лук он запивал превосходным красным вином «Шатонеф-дю-Пап» – правда, из-за запоздалого прихода обслуживали его весьма поспешно, однако только около десяти часов он вышел обратно через вестибюль на открытую прогулочную площадку. Он постоял там немного, восхищенно глядя на звездный небесный купол, прислушался к шелесту ветвей и плеску волн в озере, чьи воды поблескивали за обширным ковром газона.

Пока Логан наслаждался природой, человек, сидевший на одном из кресел, обрамлявших площадку, взволнованно произнес:

– Джереми?

Оглянувшись на этот призыв, Логан увидел, как, поднявшись с кресла, к нему приближается мужчина с кожаным ранцем в руке. Когда человек вышел на освещенную часть площадки, Джереми слегка запоздало испытал потрясение, узнав старого приятеля.

– Рэндалл!

Мужчина улыбнулся и пожал Логану руку.

– Рад, что ты еще узнаешь меня.

– Ты почти не изменился.

И действительно, хотя Логан не видел друга два десятка лет, Рэндалл Джессап выглядел почти так же, как во времена студенчества в Йеле. Слегка поредела, возможно, рыжевато-каштановая шевелюра, да загорелое лицо с появившимися в уголках глаз морщинками явно свидетельствовало, что его обладатель много времени проводит на природе, однако от всей этой высокой и стройной мускулистой фигуры исходило почти осязаемое ощущение молодости, а в глазах горело извечное выражение задумчивой озабоченности.

– Мне сообщили, что ты заходил сюда, но не захотели выдать, где именно ты остановился, – пояснил Джессап.

Он был одет в оливковые рубашку и брюки, экипирован, как лесной рейнджер, песочного цвета шляпой с полями военного образца и широким поясом с кобурой.

– Соизволили только признать, что ты будешь жить в одном из здешних домиков, – добавил он, – служба безопасности здесь строга как в Кэмп-Дэвиде[7 - Кэмп-Дэвид – загородная резиденция президентов США в штате Мэриленд.].

– Да, я поселился тут рядышком. Пошли… сможем нормально поболтать в моей берлоге.

Логан прошел по газону и свернул на дорожку к своему дому. Открыв дверь, он отступил в сторону, сделав Джессапу приглашающий жест.

– Славное местечко, – признал Джессап, сумев сразу оценить обстановку благодаря оставленному Логаном освещению.

«Роскошная монашеская обитель», – подумал Логан.

– Я еще не успел распаковаться, поэтому понятия не имею, какие здесь есть припасы. Хотя сам предусмотрительно захватил с собой бутылку водки. Выпьешь со мной по стаканчику?

– С удовольствием, – откликнулся Джессап, положив ранец на пол.

Покопавшись в своем багаже, сложенном у подножия лестницы, Джереми извлек бутылку «Бельведера» и, пройдя на кухню, заглянул в буфет, быстро обнаружил там пару граненых стаканов, бросил в них по горсти льда из морозилки и плеснул в каждый водки на пару пальцев. Вернувшись из кухни, он вручил один стакан Джессапу, распахнул окно, и они вдвоем удобно устроились в одном из углов гостиной на угловом кожаном диване. Рядом стоял торшер с абажуром, сделанным из расписной бересты, и Логан, потянув за его цепочку, обнаружил, что лужица рыжевато-коричневого света залила их угол комнаты.

Пока они потягивали выпивку, Логан углубился в воспоминания о Джессапе. На предпоследнем курсе обучения в Йеле они довольно близко сошлись, Логан тогда специализировался на истории, а Джессап изучал философию – и относился к собственной персоне, как это часто бывает с перспективными философами, весьма серьезно. В тот год он открыл для себя особую группу писателей – Торо, Эмерсона, Октавия Брукса Фронтингама – и глубоко увлекся трансцендентализмом[8 - Трансцендентализм – философско-художественное течение в США в XIX веке, опиравшееся на многие идеи немецкого идеализма: бог как нравственный закон, природа как живой, обладающий духом организм и пр. Указанные авторы принадлежали к этому течению.]. Часть выпускного курса он провел вне стен университета, работая на берегах Юкона над какой-то исключительной программой. Они потеряли связь, когда Джессап перешел на факультет лесного хозяйства и экологических исследований.

– Расскажи немного о себе, – предложил Логан. – Ты женат?

– Да. У меня двое ребят: Фрэнклину двенадцать, а Ханне – девять.

Логан мысленно ухмыльнулся. Даже дети, похоже, названы в честь философов[9 - Видимо, имеются в виду американский ученый Бенджамин Франклин (1706–1790) и немецко-американская исследовательница Ханна Арендт (1906–1975).].

– А ты? – спросил Джессап.

– Был.

– Развелся?

– Нет, – Логан покачал головой, – она умерла несколько лет назад.

– О, боже. Извини.

– Все нормально. – Логан кивнул на экипировку друга. – Догадываюсь, что ты приобщился к лесу. Подальше от безумной толпы и прочих безумств цивилизации. Ты начал работать здесь сразу после Йеля?

– Нет, – Джессап снял шляпу и положил ее на диван между ними, – год-другой я скитался по миру… Индия, Тибет, Бирма, Бразилия, Непал. Вволю побродил по лесам, покорил много горных вершин. Много читал, много размышлял. Потом вернулся домой. Знаешь, я же вырос в этих краях, милях в пятидесяти отсюда, в Платтсбурге. Лет шесть я проводил лето на здешней турбазе около озера Таппер и успел довольно прилично узнать весь Адирондакский парк. Поэтому я и устроился сюда в команду лесных рейнджеров. – Он выдал шутливую самоуничижительную улыбочку.

– И ты дослужился до лейтенанта, по крайней мере так я слышал.

– Звучит более солидно, чем есть на самом деле. – Джессап рассмеялся. – По существу, я прошел всего лишь полпути по иерархической лестнице к тотемному столбу. Формально я присматриваю за порядком на участке Пять А – Пятой зоны. Под моим началом служат шесть рейнджеров. – Он помедлил. – Догадываюсь, о чем ты думаешь. Мне следовало бы уже дослужиться до капитана. Серьезно, ведь я здесь околачиваюсь уже пятнадцать лет. Конечно, мне предлагали… Но я просто не хочу протирать штаны в кабинете. Мы живем на природе рядом с озером Саранак, входящим в мою юрисдикцию. Я сам построил себе дом. Здесь не нужно много денег, чтобы хорошо жить, Сюзанна и дети счастливы.

Логан понимающе кивнул. Похоже, Джессап не изменился, остался таким же самоуверенным и самодостаточным, как в студенческие времена.

Он понял, что у старого друга есть что-то на уме – сам факт того, что он дважды сегодня зашел повидать его, говорил о многом. Логан обладал даром проникновения в чувства людей и обладал интуитивным чутьем, когда надо воспользоваться этим даром, позволить себе почувствовать в большей или

меньшей степени эмоции и мысли своего собеседника. Пока он предпочел не применять свои способности; он знал, что Джессап сам выскажется, когда будет готов.

Поэтому, спокойно сделав очередной глоток выпивки, Джереми спросил:

– Как же мы вообще подружились? Не могу вспомнить.

– До того как стать друзьями, мы схлестнулись как соперники. Энн Брэнниган… помнишь ее?

– Нет… Ах, да… У нее еще на рюкзаке были нашиты луна и звезда, и она стала веганом задолго до того, как вообще изобрели это прозвище.

– Точно. – Джессап опять рассмеялся и глотнул водки. – А ты, значит, осел в Йеле.

– Да, после защиты докторской в колледже Магдалины в Оксфорде. Провел несколько лет в своих собственных скитаниях по миру, но не заглядывал в такие экзотические места, как Непал или Бирма, – в основном торчал в старых библиотеках, в монастырях и церквях Англии и континента. Вернувшись в Йель, я начал вести коллоквиум на тему «Черной смерти»[10 - «Черная смерть» – пандемия чумы в XIV в.], поскольку заболел профессор, который собирался вести его. – Он пожал плечами. – Мне не оставили выбора.

– А я слышал нечто другое, – тихо произнес Джессап.

– Ты имеешь в виду мое аховое хобби?

Джессап кивнул.

– Согласен, странное хобби. Из-за него моя физиономия то и дело попадает в газеты.

Джессап опять кивнул.

– Ты ведь увлекался этим еще в Йеле. Я помню наш выпускной курс, когда ты доказал, что привидение, якобы посещавшее Сэйбрукский университет, было просто тайной традицией, передаваемой от одного посвященного аспиранта другому избраннику. – Помедлив, он добавил: – Пару лет назад я ознакомился с твоей биографией в «Пипл».

– Да уж, они поместили там ужасную фотографию. На ней я выгляжу настоящим толстяком.

– Ты сам назвал себя своего рода…

– Энигматологом. На самом деле кто-то предложил мне такой термин, но он, видимо, прижился.

– Да, я помню его описание в той статье. Там говорилось, что ты изучаешь явления, не имеющие нормальных научных объяснений: исследуешь странное и необъяснимое, доказываешь реальные истоки того, что большинство людей склонны называть мистическим или сверхъестественным.

– Или опровергаю ту же мистику… как в случае с Сэйбрукским призраком.

– Верно. – Джессап нерешительно помедлил, казалось, набираясь решимости. – Слушай, Джереми… ты, вероятно, догадался, что я заявился к тебе не просто ради возобновления старой дружбы.

– Мне, разумеется, приятно вновь видеть тебя, однако, ты прав, такая мысль приходила мне в голову.

– В общем, ты не против, если я поделюсь с тобой одной историей? Только между нами… по крайней мере до поры до времени.

– Конечно.

– Могу я сначала попросить добавки? – спросил Джессап, погремев льдом в опустевшем стакане.

– Виноват, моя оплошность.

Забрав его стакан в кухню, Логан плеснул на лед еще порцию водки и, вернувшись, отдал обратно Джессапу. Рейнджер сделал глоток, чуть помедлил, окинув взглядом комнату, и, глубоко вздохнув, начал говорить.

5

– За последние три месяца в нашей округе совершено два преступления, – сообщил Джессап, – убили двух туристов, любителей пеших походов.

Логан молчал, ожидая продолжения.

– Между этими убийствами обнаружилось много сходства. Оба мужчины были молоды, в отличной форме и хорошо знали опасные тропы и проблемные парковые зоны. И оба они являлись членами Адирондакского клуба покорителей «Сорока шести вершин».

Логан понимающе кивнул. Членом этого клуба мог стать только человек, забравшийся на все сорок шесть самых высоких вершин Адирондакского горного массива, чьи высоты превосходили четыре тысячи футов. Условия вступления также включали подъем на горы как с проложенными туристическими тропами, так без оных, и, кроме того, как ему помнилось, хотя бы одно зимнее восхождение. Много лет назад они с Кит питали надежды вступить в этот элитный клуб, пока реальная жизнь не помешала их походам.

– Оба варварски, зверски растерзаны, – продолжил Джессап, – обоих убили примерно в одном удаленном районе – и с обоими это случилось во время полнолуния.

– В каком именно удаленном районе?

– К западу от дебрей Пятиозерья. – Джессап умолк, и тишину заполнили звуки, доносившиеся из открытого окна, – шелест листьев, встревоженных порывом заблудшего ветра, и уханье совы.

– Эти упорные походники принадлежат к особому племени, – пояснил Джессап, – никакие подвиги или сложнейшие восхождения не способны унять их

стремления к новым вершинам. Поэтому, освоив все сорок шесть известных вершин, некоторые из горных фанатиков продолжают бросать вызов множеству других гор. Излюбленными всегда оставались три вершины. – Он вытащил из нагрудного кармана дневник в кожаном переплете, пролистал его и, остановившись на одной страничке, пробежал ее взглядом. – Их очевидный выбор представляет гора Лавин под номером шестьдесят три – сравнимая с высочайшими и наиболее знаменитая. Также гора Северной реки под номером пятьдесят шесть – всего лишь скромные четыре тысячи футов, то бишь чуть больше тысячи двухсот метров, но на нее многие стремятся, зная, что на нее забирался наш известный геолог Эбенизер Эммонс сразу после своего знаменитого восхождения 1836 года на гору Уайтфэйс. Однако большинство упорно стремятся покорить Уединенную гору, ее высота лишь всего около тысячи футов, она даже не входит в список клубных вершин. – Он убрал дневник. – Но ее покорением можно гордиться, и привлекательность ее заключается как раз в ее удаленности. Район Уединенного озера является, вероятно, наиболее изолированным и диким во всем парке – превосходя в этом качестве и расположенные в глуши Серебряное озеро и озеро Уилкокса. Но помимо дикости и удаленности для пешего туризма тамошние леса на редкость труднодоступны… никаких приемлемых дорог, мало озер со стоянками катеров, склоны там завалены деревьями, изобилуют ледниковыми болотами и всевозможными другими опасностями. Неопытного туриста вряд ли заинтересует такой поход, ему практически не преодолеть тамошние трудности. Само восхождение не представляет сложности. – Он покачал головой и рассмеялся с почти ощутимой горечью. – Именно поэтому среди адирондакской горной элиты эта гора известна под названием «Злосчастная сорок седьмая».

Короткая усмешка замерла в горле Джессапа.

– Обоих туристов обнаружили в окрестностях этой самой Злосчастной горы. Как ты можешь представить, те края посещаются редко, поэтому ко времени обнаружения их трупы успели сильно разложиться. В итоге вскрытия не дали убедительных результатов, но, учитывая зверские повреждения трупов, вину в обоих случаях возложили на бешеного медведя.

– Мы старались сохранить подробности этой истории в тайне, – заметил Джессап, опять глотнув водки. – В таких местах, как ваши «Облачные воды», к примеру, подобного рода известность нужна, как собаке пятая нога. Но слухи имеют тенденцию распространяться, и местные уже все знают.

– Печальная история, – задумчиво произнес Логан, – но почему тебе понадобилось так срочно посвящать в нее меня?

– Я упомянул тебе о формальном заключении вскрытия, – помедлив, пояснил Джессап, – но фактически некоторые из наших рейнджеров совсем не уверены в его правильности. Барибалы – единственный вид медведей в этом парке – малочисленны и не отличаются свирепостью. Даже одна жертва стала бы уникальной редкостью, но две… – Его голос сошел на нет.

– Известно много случаев внезапной агрессивности диких зверей по отношению к человеку, – заметил Логан. – Вспомни историю со львами-людоедами в Кении.

– Да я понимаю. И сам пытаюсь убедить себя в том же. Но как ты помнишь, в детстве я провел в этих горах много времени. И услышал тогда свою долю местных слухов и легенд. Большинство наезжающих в парк туристов прикипели к окультуренным зонам типа Лейк-Плэсид. К цивилизованным и многолюдным. Им неведомо, что за этими турбазами раскинулись миллионы парковых акров – куда и доехать-то невозможно, – совершенно диких в своей первозданности. До сих пор есть такие леса, где еще не ступала нога человека, не разносилось эхо ударов топора.

– Ты говоришь как истинный философ, – мягко заметил Логан, пытаясь разрядить напряжение и вызвав в ответ смущенную усмешку Джессапа. – Полагаю, ты отправил поисковые группы в те края, где обнаружили эти тела, чтобы поискать бешеную зверюгу?

– Сделали одну небольшую вылазку. Никаких следов.

– В любом случае тебя не удовлетворила, видимо, официальная версия.

– Я не уверен, что вообще смогу согласиться с ней, – быстро откликнулся Джессап.

– Но ты думаешь, что у этой истории может быть продолжение. Что могут появиться новые жертвы.

– Знаешь, что говорил Эмерсон? «Природа и книги принадлежат глазам, которые способны увидеть их».

– Я помню, что на последнем курсе ты увлекся Эмерсоном. Но что это дает мне? Я же не Натти Бампо, он же Ястребиный Глаз, он же Зверобой. Последний пеший поход я совершил по Ньюпортской скалистой тропе, что и походом-то трудно назвать, скорее прогулкой.

– Здесь нужны способности иного рода. Не знаю толком причины, но странные обстоятельства этих смертей… я просто чувствую, что в них есть нечто извращенное, инаковое. И я говорю это как человек, много лет патрулировавший здешние леса. Однако, возможно, я излишне пристрастен и как рейнджер, и как местный житель. Мне нужен человек с твоей объективностью… и с твоими… э-э… необычными способностями.

«Вот и дошли до сути», – подумал Логан, испытывая смятение. Он, разумеется, ни за что не признается в этом своему старому другу, но прямо сейчас он меньше всего нуждался в таких осложнениях. Ему и так будет трудно сосредоточить все свои умственные усилия на завершении монографии… но во что же они выльются, если ему придется слоняться по этому обширному парку с расплывчатым заданием, недоступным его способностям?

– Послушай, Рэндалл, я понимаю твою озабоченность, – начал он, – и будь я на твоем месте, то чувствовал бы то же самое…

– Нет, ты не понял, – перебил его Джессап с легким оттенком настойчивости в голосе. – Я не чувствую ответственности за эти смерти – многие районы этого парка настолько удалены, что мы даже не пытаемся патрулировать их. Я просто чувствую, что, попросив тебя слегка ознакомиться с обстоятельствами этих смертей… в общем, я проявил бы должную осмотрительность. И сознавая это, смог бы спокойнее спать по ночам.

– Так говоришь, что почувствовал что-то извращенное, инаковое. Что именно?

– Не знаю. Если бы знал, то мне не пришлось бы спрашивать твоего совета. Я просто не могу отделаться от предчувствия, что опять произойдет нечто ужасное… и скоро.

– Буду рад помочь, – сказал Логан, – но пока не понимаю, какого рода оценку могу предложить. Я же не патологоанатом. И не заядлый следопыт. Фактически я приехал сюда, чтобы закончить один труд, над которым корпел уже почти два года.

– Просто загляни в Пиковую ложбину, – прервал его Джессап. – В качестве личного одолжения, ради меня. Это поселение ближайшее к месту тех убийств. Съезди туда завтра, поспрашивай местных – не афишируя своего интереса, разумеется, – а потом мы вместе поужинаем. Познакомишься с моей женой и детьми. И тогда, если ты не захочешь заниматься этим дальше, мы не будем больше говорить об этом деле.

– Я… – начал Логан, но недоговорил. Его друг, несомненно, серьезно встревожен. И возражать дальше, видимо, бессмысленно. И, глубоко вздохнув, он согласился: – Ладно. Но твоей жене лучше бы оказаться хорошей кулинаркой.

Джессап вновь улыбнулся, на сей раз с явным облегчением.

– Не думаю, что у тебя появится повод пожалеть. – Он поднял с пола свой кожаный ранец, вытащил из него две толстые желтоватые папки и протянул их Логану. – Здесь копии из судебного архива. Просмотри их при случае. Но держи при себе. Наш парк похож на лоскутное одеяло перекрывающихся юрисдикций. Учитывая, что множество малых сообществ вообще не имеют своих отделений полиции, расследованием таких серьезных преступлений, как изнасилование или убийство – хотя они бывают здесь редко, – руководит полиция штата. Правда, я сам служу в отделе охраны и уполномочен утверждать все правила внутреннего распорядка, но я не имею права по своему выбору привлекать любителей к расследованию.

– Здорово. Значит, ты хочешь тайно поручить мне расследование?

– Уверен, что это не первая работа в твоей жизни, требующая проницательности и осмотрительности. Насколько я понимаю, твой допуск к секретным расследованиям имеет открытую дату.

– Я не подряжался на эту работу, помнишь? Но ты прав. Давай мне твой адрес, назначай время завтрашнего ужина, и я найду тебя там.

Джессап опять вытащил свой потрепанный ежедневник, нацарапал пару строк на листочке, вырвал его и вручил Логану.

– Семь вечера тебя устроит?

Увидев, что Логан кивнул, Джессап встал.

– Тогда, пожалуй, пора позволить тебе распаковаться. Спасибо, Джереми. Я понимаю, что обременил тебя. Но я не стал бы просить, если бы не считал это важным. – Его взгляд скользнул по архивным папкам.

– Удачи. Увидимся завтра.

Джессап, казалось, собирался что-то добавить. Но передумал, просто кивнул, взял свой опустевший ранец, потряс Логану руку, нахлобучил свою рейнджерскую шляпу на голову и вышел из коттеджа в вечернюю тьму.

6

На следующее утро Логан рано позавтракал в главном здании, сел в свой родстер и выехал с территории «Облачных вод». Он уже пожалел, что пообещал Джессапу изучить обстоятельства этих убийств; в расхолаживающем дневном свете Джереми еще больше уверился в том, что ничего не сможет добавить к официальному расследованию, а его лэптоп, книги и записи, оставшиеся на рабочем столике в гостиной коттеджа, молчаливо осуждали его за то, что он отлынивал от запланированной работы. Однако сегодня вечером ему придется отужинать с семьей Джессапа; это представлялось наилучшим завершением для поверхностной оценочной попытки – опять же Рэндалл просил его о личной услуге, – после которой он сможет сообщить ему о безуспешных усилиях и спокойно займется тем, ради чего приехал сюда.

Поэтому, выехав на шоссе 3, он повел свою машину на запад между крутых склонов возвышающихся гор и вдоль берегов бурных потоков. Ему вдруг пришло в голову, что он еще никогда не заезжал так глубоко в этот парк. До поселка Пиковой ложбины придется проехать около сорока миль, и чем дальше он ехал, тем меньше становилось вокруг привычных стоянок или турбаз. Первыми остались позади летние стоянки с фальшивыми индейскими названиями и

деревянные столбики указателей, неизменно красовавшиеся на берегах озер. Следом исчезли привлекающие туристов лавки древностей, торговавшие хвостами рыси, наконечниками стрел и прочими лесными сувенирами. Далее начали исчезать даже заведения, построенные для местного населения: заправки, ремонтные мастерские для вездеходов и мотосаней, выезды на частные лесовозные дороги. Миновав Севей, он свернул с шоссе 3 на узкую трассу 3А, уводившую все дальше на запад, к таким густым сосновым лесам, что их ветви сплетались над дорогой, образуя своеобразный туннель, где царили вечные сумерки. Воздух становился все более сырым и влажным. Эта дорога давно требовала ремонта, ее щебеночно-асфальтовое покрытие изобиловало такими трещинами и дырами, что местами проглядывала голая земля. Встречные автомобили попадались редко. Постепенно, один за другим, исчезли все показатели уровня приема на экранчике его мобильного телефона, и Логан начал испытывать смутное беспокойство: если вдруг что-то случится с его винтажным родстером, то вряд ли и через сотню миль найдется механик, способный починить этот «Лотус Элан S4», не говоря уже о запасных частях для такого спортивного автомобиля полувековой давности.

Но его беспокойство подпитывалось и другим мрачным предчувствием, порождаемым… самим лесом. Он производил впечатление какой-то доисторической древности; Логану казалось, что в любой момент, съехав на обочину и зайдя в этот лес, уже через несколько минут он попадет туда – если сразу не заблудится, – где не ступала нога человека. Тревожное состояние усугублялось полным отсутствием признаков людского жилья. Логан чувствовал себя здесь чужаком, почти шпионом: к такому ничтожному, мелкому шпиону, возможно, отнесутся толерантно, но вряд ли окажут помощь или содействие. Ему вспомнились строки из английской мистической повести о похождениях охотников в канадской глуши: «Гнетущее величие этих далеких и необитаемых лесов породило в нем ошеломляющее ощущение собственной ничтожности. Непоколебимая суровость глухих дебрей, описание которых требовало лишь таких определений, как безжалостные и ужасающие, исходила от того дальнего голубоватого лесного массива, что заявлял о себе, туманно вздымаясь на горизонте. Он понял это молчаливое предостережение. Осознал полнейшую собственную беспомощность…»[11 - Цитируется рассказ «Вендиго» Элджернона Блэквуда о людоеде, чей образ создан на основе алгонкинской мифологии.]

После неожиданного поворота дороги перед ним открылся вид на Пиковую ложбину: к северу от дороги 3А тянулась единственная улица, где проживали, согласно выцветшему дорожному указателю, восемь сотен человек; со всех сторон это поселение окружали поднимавшиеся по склонам темные леса, так

что само оно казалось встроенным в перевернутую полусферу сувенирного Снежного шара. Здесь появились по крайней мере некоторые признаки цивилизации: магазины, дома, закусочная, их фасады сгрудились возле самой дороги, словно эти заведения цеплялись за нее, как за спасительный пояс. Медленно проезжая по улице, Логан заметил один случайный любопытный взгляд, брошенный на его родстер. Туристов здесь точно не обслуживали, о чем ясно свидетельствовал обветшалый и небогатый вид многих домов. Местами от главной улицы ответвлялись узкие дороги, неизбежно заканчивающиеся около скопления унылых строений, с трудом сдерживающих натиск обступившего их леса. Он глянул через плечо в южную сторону, туда, где за домами высилась нерушимая лесная стена. В нескольких милях отсюда, как он знал, находился район Девственного Пятиозерья. А за ним Уединенное озеро… и места двух убийств.

Он объехал поселок по кругу – поездка заняла меньше десяти минут – и, вернувшись к дороге, заглушил мотор, прикидывая, как лучше действовать дальше. Ему частенько приходилось выполнять такие задания – приезжать в незнакомые поселения с целью получения сведений у местных жителей, которые далеко не всегда пылали желанием общаться, – и он уже придумал для себя некоторое количество ролей, способных помочь ему достичь цели. Подумав, он отверг роль туриста – туристу незачем задавать те вопросы, которые необходимо выяснить ему. Он также отверг идею прикинуться потенциальным покупателем дома: такая роль выглядела бы не слишком правдоподобно и, кроме того, вряд ли кто-то станет говорить о каких-то неприятностях с человеком, способным вложить деньги в их поселок. В итоге он решил сыграть роль фотографа-натуралиста. Это даст ему не только правдоподобный мотив для приезда в такую глушь, но и повод задать множество вопросов под предлогом поиска живописных пейзажей для съемки. И фотографа вряд ли напугают слухи о преступлениях: по существу, они могут даже возбудить его профессиональную любознательность.

Он открыл бардачок, достал оттуда пару больших очков в черепаховой оправе и нацепил их на нос, просто чтобы избежать случайного узнавания. Потом вылез из машины, открыл багажник и, порывшись в маскировочном реквизите, выбрал наконец уместный для фотографа выцветший жилет и зеркальную фотокамеру с телеобъективом: эта купленная по дешёвке фотокамера была безнадежно сломана, но производила отличное впечатление в качестве реквизита. Натянув жилет, он перекинул через плечо ремень фотокамеры и почувствовал себя готовым к прогулке по главной улице.

На территории Пиковой ложбины не было полицейского подразделения, поэтому Логану пришлось довольствоваться разговорами с владельцами разных общественных заведений. Для начала он заглянул в парикмахерскую, где без всякой необходимости постригся у парня по имени Сэм, который, как оказалось, жил здесь только ради того, чтобы рыбачить с удочкой на реке Осейбл. Далее он посетил единственную в поселке закусочную, где заказал ранний ланч, принесенный словоохотливой официанткой. Затем зашел в галантерейный магазин, где после длительной беседы с владельцем приобрел пару носков, чем смог по крайней мере оправдать свое посещение, поскольку (по словам галантерейщика) прогноз предсказывал внезапное похолодание.

Каждый разговор обеспечивал его новыми сведениями, которые он мог использовать в последующих заведениях для получения дополнительной информации. Жителей, очевидно, беспокоили недавние убийства, но они, судя по всему, не особенно осторожничали, обсуждая их. И чем больше он узнавал о самом поселке и его окрестностях, тем легче выдавал себя за сведущего путешественника и тем охотнее люди откровенничали с ним. После каждого общения он вытаскивал блокнот, записывал то, что узнал, отмечая совпадения и различия.

Одно сообщение, в частности, всплывало практически в каждом разговоре.

Наконец около половины четвертого он забрел в «Уголок Фреда», маленький бар в дальнем конце улицы. В баре, как он и надеялся, кроме Фреда, никого не было. Логан заказал пиво, предположив, что такой напиток он сможет потягивать достаточно долго, вовлекая бармена в разговор. Пиво продавалось исключительно бутылочное – разливного не завозили, как не было и привозных, импортных марок. Логан выбрал светлое «Микелоб лайт».

После обмена вступительными любезностями Логан быстро вошел в роль – благодаря разнообразным замечаниям, почерпнутым из предыдущих бесед, – человека, по меньшей мере поверхностно знакомого с этим районом и его новостями. Во время разговора Фред кивал с притворным благоразумием, время от времени отвлекаясь, чтобы сорвать с плеча барное полотенце и протереть им потертую лакировку стойки.

– Я свободный фотограф, – ответил Логан на вопрос Фреда, – не сотрудничаю на постоянной основе ни с какими журналами или турфирмами. Никто меня никуда не посылает, никто не выдает мне заданий. То есть я сам выискиваю самые

живописные кадры и пейзажи.

Он сделал большой глоток пива, а Фред в очередной раз благоразумно кивнул.

– Вот я и подумал, что неплохо было бы сделать несколько снимков в вашей округе, раз здесь произошли такие ужасные случаи, – продолжил Логан. – Вы же знаете об убийствах туристов.

– В той глуши? – уточнил Фред с легким недоверием в голосе.

– Да, там. В Девственном Пятиозерье. Это же довольно близко отсюда, верно?

– Вам туда не добраться. По крайней мере, без помощи вертолета или на худой конец танка. Там жуткие дебри. Никто туда не ходит, за исключением редких безумных бродяг. Да и те два последних бедолаги зашли туда и не вернулись. – Фред с умным видом приложил кончик пальца к крылу своего носа.

– А если с проводниками?

– Вам будет чертовски трудно найти хоть одного, – покачал головой Фред. – Особенно после того, что случилось.

– Ну, может, мне просто удастся самому походить там, знаете, с краю, не забираясь в глушь. На самом деле мне очень хотелось бы сфотографировать медведя. – Тут Логан с заговорщическим видом подался вперед. – Серьезно, если я продам такую фотографию – выдав ее за фото медведя-людоеда, задравшего двух туристов, – кто станет сомневаться, того ли самого медведя я щелкнул?

– Вовсе не медведь убил тех парней, – возразил Фред, тоже слегка подавшись вперед.

– Как это не медведь? – Логан изобразил удивление.

– Да вот так.

– А кто же тогда убил их?

– Точно неизвестно, полагаю, – помедлив, ответил Фред. – Не нашли никаких доказательств. Если, разумеется, не считать доказательством шестьдесят лет упорных сплетен да и того, что я видел собственными глазами.

Фред оказался самым разговорчивым из тех жителей Пиковой ложбины, с которыми удалось поболтать Логану. К тому же, похоже, он и знал больше всех. Однако после этого исключительно важного признания бармен замкнулся. Логан осознал, что ему, возможно, придется приоткрыть свои карты. Он допил бутылку, заказал другую и предложил Фреду тоже выпить за его счет. Когда он выставил новые бутылки, Логан неуверенно предположил:

– Должно быть, вы имели в виду тот клан.

– Блейкни, – кивнув, подтвердил Фред, открыл бутылку «Бадвайзера» и поставил на стойку перед собой.

Смутные намеки на ценные зацепки в той или иной форме Логан слышал почти от каждого из своих сегодняшних собеседников: таинственное уединение так называемого клана Блейкни поддерживало давно укоренившееся недоверие к ним среди местных жителей.

– Расскажите мне об этих Блейкни, – небрежно произнес Логан. – А то я слышал о них на редкость странные слухи.

Фред опять задумчиво помолчал.

– Я никому не скажу о том, что услышу от вас.

Еще немного подумав, Фред пожал плечами.

– Полагаю, не будет ничего плохого, если я расскажу о том, что все здесь уже и так знают. Эти Блейкни жили в здешних лесах с незапамятных времен.

– Где именно?

Фред махнул рукой куда-то за плечо Логана, в сторону юга-запада.

– На краю этой глухомани у них большое беспорядочно застроенное поселение.

– Какого рода?

– Их не беспокоят любопытные чужаки, это уж точно. – Фред пожал плечами. – Они давно отгородились от мира, живут обособленно на подножном корму, редко заходят в наш поселок. Среди моих знакомых никто там не бывал, но, судя по слухам, у них полно ветхих построек самого разного назначения.

Логан отодвинул непочатую бутылку пива в сторону.

– Согласен, звучит странно. Но почему кто-то думает, что они имеют отношение к этим убийствам?

– Во-первых, в наших краях мало медведей. Время от времени их теперь замечают в районе Высоких вершин, хотя они и избегают встреч с людьми. Во-вторых, с детства я слышал много странных историй об этих Блейкни – и именно из-за тех историй, я думаю, что они способны на убийство… и не только.

– А что это за странные истории?

Фред сделал изрядный глоток пива.

– Они слишком долго жили обособленно в своей лесной глуши. А такое житье, как вы понимаете, сильно меняет людей. Но, судя по рассказам, этот клан всегда отличался злобностью и жестокостью. Такие вот дела, и… к тому же в семидесятых годах здесь у нас часто пропадали дети… – Удрученно вздохнув, он добавил: – Об этих пропажах умалчивали, но всем известно, кто их умыкнул… и зачем.

Фред уже разговорился, но Логану все равно не хотелось самому спрашивать, зачем же умыкнули детей. Он просто вопросительно поднял брови.

– Для ритуалов. Тайных обрядов. И я имею в виду не черную магию… а нечто пострашнее. Эти Блейкни якшаются в лесной глуши с дикими животными… в общем, противоестественно, как говорится. Но такое общение с природой позволяет им стать ее частью. Порочной частью. Как знать, в кого они там

превращаются и на что способны, приняв иное обличье?

– Да, есть от чего встревожиться. Но все-таки зачем им могло понадобиться убивать тех туристов?

Несмотря на то что в баре никого, кроме них, не было, Фред склонился к нему еще ближе и тихо произнес:

– Я могу вам объяснить это всего в двух словах: дурная кровь.

7

Вернувшись в машину, Логан коротко записал разговор с барменом Фредом, потом просмотрел все свои сегодняшние записи. Все его собеседники в Пиковой ложбине сходились в двух мнениях: никакой медведь не причастен к смерти этих туристов и в убийствах замешан клан Блейкни. Но как именно замешан, никто не мог или не хотел сказать.

Финальный сегодняшний пункт его поисков, таким образом, казался очевидным.

Он включил зажигание и медленно проехал по главной улице к ее пересечению с дорогой 3А. Когда он попросил Фреда дать ему более точные указания местонахождения поселения Блейкни, Фред – после многочисленных предостережений относительно опасности попытки их посещения и ужасающих предсказаний последствий такой попытки – в итоге сдался.

– Надо проехать дальше на запад, может, около мили, там слева увидите ответвление, – сообщил он, – его трудно заметить, никаких указателей или вывесок, ничего. Единственная возможность заметить этот путь – знать, что вам нужно искать грунтовую дорожку, которая пересекает тот участок шоссе.

Свернув с улицы на дорогу 3А, Логан глянул на счетчик пробега. Часы показывали всего четверть пятого, но под густым, заслоняющим небо лесным пологом было по-вечернему сумрачно. Проехав по шоссе от поселка Пиковая ложбина чуть больше мили, он заметил ответвление и предположил, что это и есть путь к территории Блейкни: на юг, изчезая в лесу, уходила грязная, глубоко изрезанная колеями дорога, чуть шире, чем просто тропа. Согласно словам

бармена Фреда, ее действительно с трудом удалось разглядеть.

Осторожно свернув с шоссе, он начал медленно, с треском и кряхтением, продираться на своем «Лотусе» по этой просеке. Она была такой узкой и тесной, что ветви деревьев хлестали и скребли бока его маленького родстера. Ему удалось проползти вперед около четверти мили, но потом он остановил машину в углубившихся колеях: подвеска уже дважды скребла по земле и он побоялся вести машину дальше. Развернуться здесь явно невозможно, так же как и разъехаться со встречным автомобилем: ему пришлось попросту оставить машину на дороге.

Джереми попытался открыть водительскую дверцу, но живая преграда подлеска, стиснувшая бока машины, сделала это невозможным. В итоге ему пришлось приоткрыть складной верх и вылезти через ветровое стекло. Спрыгнув на землю, он помедлил немного, собираясь с мыслями, оценивая обстановку и отпуская на волю свою сверхъестественную чувствительность.

На этом пути, представлявшем собой нечто чуть большее, чем просто протоптанная лесная тропа, сырость ощущалась гораздо больше, чем на шоссе. Окружившие его пушистые ветви сочились холодной влагой, а от земли поднимались пронизывающие до дрожи туманные испарения. Он оглянулся на свой родстер, торчавший в зарослях, точно пробка в горлышке бутыли. И вновь Логан почувствовал, еще более отчетливо, свою чужеродность в этих дебрях… уже не по одной, а по двум причинам.

Начав пробираться дальше по этой прихотливо извитой дорожке, он осознал, что лес становится все дремучее и непроходимее, отметив заодно еще одну особенность. Целый день – пока он ехал к Пиковой ложбине и бродил по поселку – он слышал птичье пение. Но здесь стояла полная тишина. У него появилось сильное впечатление, что сам лес к чему-то прислушивался. Он продолжил тихо, чуть ли не на цыпочках, продвигаться вперед.

Очередной поворот тропы неожиданно вывел его на небольшую вырубку; грубо обрубленные с двух сторон от тропы ветви деревьев и кустов были свалены в развалистые гниющие кучи. Лезвие большого тяжелого ножа типа мачете со старой резной рукояткой глубоко вонзилось в ствол ближайшего красного клена. Но вовсе не это привлекло внимание Логана, заставив его резко остановиться в состоянии, близком к недоверию.

Прямо перед ним дорожка упиралась в стену – преграду явно выше двух с половиной метров, сооруженную из множества прутьев сходного размера, установленных вертикально, плотно прижатых друг к другу и обвязанных буроватой, ржавой проволокой. В этой сплошной ограде не было никаких признаков калитки, если она вообще там могла быть. Соединения и переплетения прутьев выполнили с невероятной, безумной точностью, что придавало самой сельской ограде странный вид дьявольского пазла. Собственно, прутья использовались довольно тонкие, но их множество в общей толщине стены, составлявшей не меньше фута, делало эту ограду буквально непроницаемой. Соорудили ее явно очень давно, и что-то в ней – в качестве выбранных прутьев или в их фантастическом и безумно плотном и сложном переплетении – лишило Логана присутствия духа. Обостренное восприятие подсказало ему, что ограда скрывает нечто инороднее; нечто, связанное с порочностью. Бармен Фред упоминал о том, как этот клан приобщился к природе, но у Логана появилось глубокое ощущение – почти как предостерегающий вопль в голове, – что с этой обособленностью связано нечто совершенно противное природе.

Приглядываясь к этой внушающей страх самодельной ограде, Джереми прошел вдоль нее сначала в левую сторону, затем повернул и прошел вправо до того места, где она исчезала в лесных зарослях. Деревья и кусты с обоих концов расчищенного участка обступали эту преграду так плотно, что продраться дальше не представлялось возможным, однако казалось очевидным, что сама стена окружает обширную территорию, по меньшей мере в несколько акров или и того больше.

Открыв рот, Логан хотел подать голос, вызвав кого-нибудь из-за этой глухой стены, но обнаружил, что онемел. Нервно сглотнув слюну, он облизал губы и попытался еще раз.

– Привет, – произнес он еле слышным хриплым голосом. Прочистив горло, он сказал уже более громко: – Привет! Меня зовут Логан. Мне хотелось бы поговорить с вами всего минутку.

Никакого ответа. Территория за плетеным, обвязанным проволокой укреплением оставалась такой же тихой, как окружающий лес.

Логан отступил назад, окинув взглядом пространство над стеной. Справа за ней поднимался крутой горный склон густого соснового леса. Над стеной также

виднелась верхняя часть боковых стен какого-то сооружения: явно очень большой постройки под двускатной крышей, крытой поросшей лишайником кровельной дранкой. Издалека казалось, что это сооружение изрядно прогнило. Он разглядел два ряда окон, теснившихся под широкими свесами крыши. В нижнем ряду слабо мерцали огоньки, отбрасывая неровный свет на древние оконные стекла. Верхние окна темнели закрытыми ставнями. Все остальные постройки, скрытые за этой загадочной плетеной стеной, были более низкими.

Под плотным пологом леса становилось все темнее; вскоре будет уже трудно хоть что-то разглядеть. Логан опять приблизился к укреплению и медленно пошел вдоль него, пытаясь отыскать щелку и увидеть, что же скрыто за этой оградой. Внезапно он нашел прореху: щелка обнаружилась в центре поляны и, очевидно, ее оставили специально – только в этом месте тщательно сплетенные прутья чуть расходились. Эта щелка находилась на уровне глаз и имела коническую форму, расширявшуюся к внутренней стороне стены. Осознав, что это отверстие, должно быть, сделано для самих обитателей поселения, Логан припал к нему глазом и разглядел за оградой много каких-то ветхих, видимо, служебных построек, амбар самого древнего вообразимого вида, огороженные участки для зерновых и странное сооружение, которое с его стороны выглядело как большая куча мусора.

И пока он обозревал внутренние постройки, обостренная интуиция вновь подсказала ему, что в этом огороженном поселении есть нечто странное – очень странное.

В этот самый момент отверстие вдруг заполнилось дулом ружья, ржавым стволом большого калибра.

– Живо убирайся отсюда, – прохрипел из-за ограды грозный басок.

– Я совершенно не намерен вторгаться в ваши владения, – подавив страх, ответил Логан. – Мне просто хотелось узнать, не могу ли я задать вам несколько…

Он умолк, услышав щелчок вставленного в ружье патрона.

– Убирайся с нашей земли, – грубо повторил тот же голос. – Или последнее, что ты увидишь на этом свете, будет дуло этого треклятого дробовика.

Логану не понадобилось никаких дальнейших увещеваний. Не произнеся больше ни слова, он мгновенно начал пятиться от стены и быстро ретировался с вырубки обратно на узкую лесную дорожку. Только там он развернулся, стремительно добежал до своей машины, забрался под ее приоткрытую крышу и задним ходом выполз с этой жуткой сдавленной подлеском дорожки на безопасную парковую трассу 3А.

8

В начале восьмого Логан остановился перед небольшим и ладным деревянным домом Джессапа. Дом уютно расположился на берегу озерца, всего в миле от оживленной, излюбленной туристами базы отдыха на озере Саранак. Обстановка здесь сказочно отличалась от поселения Пиковой ложбины с его уединением среди бесконечного мира темных зловещих лесов.

Домашний интерьер оправдал ожидания Логана: мебель в простом деревенском стиле; на стенах вставленные в рамы пейзажи местных художников; журнальный столик, заваленный странной смесью научных философских журналов и изданий, посвященных лесному хозяйству. Во время великолепного ужина, наслаждаясь вкусом говядины по-бургундски и запеченной картошкой с расплавленным швейцарским сыром, он познакомился с парочкой светловолосых детей и Сюзанной, красоткой с неожиданным для Логана язвительным остроумием. До встречи с Джессапом она училась в Рэдклиффском колледже, потом преподавала в духовной семинарии, старой престижной частной школе Манхэттена. В плане образования она явно составила отличную пару его старому другу и философствующему скитальцу, и хотя Логан втайне сомневался, что ей удается поддерживать на должном уровне свой умственный потенциал в этом сонном лесном сообществе, она, очевидно, полностью посвятила себя домашнему обучению их детей, а также, как выяснилось, бесплатно обучала детей из малоимущих семей в этой округе.

Закончив ужин, Логан вежливо отказался от кусочка шоколадного бисквита и с кофейной чашкой в руке проследовал за Джессапом на просторную веранду, где они, устроившись в неизменных фирменных креслах Адирондака, созерцали поблескивающие воды озера. Окна отбрасывали на лужайку желтые полосы света, и вечернюю тишину оживляло лишь жужжание насекомых. Растущая, почти полная луна заливала окружающий лес бледным сиянием.

Джессап глотнул кофе, потом поставил чашку на широкий подлокотник кресла.

– Итак, – начал он, – что ты думаешь о Пиковой ложбине?

– Она не стала бы моим первым выбором для пенсионного отдыха.

– Дай попробую угадать, – криво усмехнувшись, сказал Джессап. – Народ там поведал тебе, что не согласен с официальным заключением, возложившим вину на безумного медведя.

– Да. У них есть собственные версии по поводу виновных.

– Дай опять угадаю… клан Блейкни.

– Верно. И я нанес им визит, прежде чем отправиться сюда. А за свою навязчивость получил в лицо дуло дробовика.

– Лучше бы ты не совался туда. Тебе повезло, что этим все и ограничилось. – Немного помолчав, Джессап добавил: – У меня сложилось впечатление, что существует список особых причин, побуждающих людей жить в этом парке. Во-первых, если они родились в этом мире и только его и знают, не имея ни желания, ни стремления познать то, что находится за его пределами. Во-вторых, полюбившие эти леса туристы либо часто возвращаются сюда, либо оседают здесь, открывая какие-то заведения, или пансионаты, или еще что-либо в таком роде. Есть еще третья причина. Третий тип обитателей не прижился в современном обществе; они чувствуют себя там чужаками, полусонно слоняясь по жизни. Таких людей тянет в Адирондакский парк, потому что им хочется жить разумно, то бишь, повторяя слова Торо: «иметь дело лишь с важнейшими фактами жизни…»

– «Господень мир, его мы всюду зрим», – процитировал в свой черед Логан. – «…А в нас так мало общего с Природой…»[12 - Цитата из стихотворения Уильяма Водсворта (1770–1850), английского поэта-романтика. (Пер. В. Левика.)]

– Да, Вордсворт тоже имел верные представления. Но, так или иначе, некоторые люди из этой третьей группы бывают слегка с приветом. Посмотрим правде в глаза: одной из причин для жизни в лесной глуши, в изоляции от людей, может

быть плохая социализация. В общем, да, будучи рейнджером, я наслушался историй о многих чудаках, живущих обособленно в разной степени удаленности. Такие люди склонны привлекать внимание и порождать слухи… что вполне естественно. – Он сделал глоток кофе. – Но клан Блейкни – это особый случай.

Логан хранил молчание, позволив своему старому другу продолжить.

– Я давно знал о них, разумеется, но только после смерти второго туриста начал активно изучать их историю. Жители Пиковой ложбины говорят, что они жили там всегда, и официальные документы ни в коей мере этому не противоречат: их поселение находилось там издавна, по меньшей мере еще до учреждения этого парка в 1885 году. Парковое начальство оставило их в покое, может, опасаясь, что конфронтация приведет к трагедии типа Уэйко[13 - Осада правительством США ранчо секты «Ветвь Давидова» в 1993 году, прошедшая с многочисленными жертвами, в том числе среди детей.]. Их территорию никогда не удавалось официально проверить, но весь тот лесной район к юго-западу от Пиковой ложбины исконно принадлежал их клану. Хотя их хозяйство никак не учитывалось и не облагалось налогами.

– Понятно.

– Естественно, живя там в непосредственной близости, жители относятся к Блейкни весьма подозрительно. Ходили слухи, что изредка посторонним удавалось свести относительно близкое знакомство с этим кланом. Несомненно, однако, что по природе своей они склонны к обособленности и скорее всего параноидально преданы своему роду и клану, чья многолетняя изоляция привела к искаженному представлению о внешнем мире. – Помедлив немного, Джессап спросил: – Говорил ли тебе кто-то из обитателей поселка, скажем так, о некоторых их особенностях?

– Нет, ничего особенного. Большинство из них только приписывали Блейкни вину за эти убийства. Больше всех разоткровенничался владелец бара Фред. – Логан вытащил свой блокнот и бегло просмотрел записи. – Он говорил, что они слишком давно жили в этих лесах. Говорил, что такая жизнь меняет человека. Приписывал им кражи детей для неведомых ритуалов. Еще упоминал о каких-то их ненормальных отношениях с животными в лесной глуши… и что у них, по его словам, дурная кровь.

– Дурная кровь, – хмыкнув, пробурчал Джессап. – Джереми, позволь объяснить тебе кое-что. По поводу того, насколько ты, как посторонний, мог ожидать откровенности от обитателей Пиковой ложбины. Между собой они говорят уже совершенно о других подробностях. Я знаю, потому что слышал кое-какие из этих откровений.

– Например?

– В общем, Фред Бриджер прав. За последние несколько десятилетий действительно пропало несколько детей. За последние сорок лет также на территории парка произошло некоторое количество необъяснимых смертей, причем несоразмерно много именно в окрестностях Пятиозерья. Уже давно – хотя никто не скажет тебе этого прямо – жители того паркового района полагают, что им точно известно, кто такие эти Блейкни… и какие именно изменения с ними произошли.

Джессап опять глотнул кофе. Жужжание насекомых стало громче.

– Итак? – нарушил молчание Логан. – Кто же такие Блейкни, по мнению тех жителей?

– Ликантропы[14 - Ликантропы – человековолки (греч.).], – Джессап тщательно и медленно выговорил это слово, словно пробуя его на вкус.

– Ликантропы? – повторил Логан. – Так люди думают, что клан Блейкни стал вервольфами или оборотнями? Это же…

– Что? Смехотворно? Не заслуживает внимания такого энигматолога, как ты?

– Но нет же никаких медицинских свидетельств в поддержку такого явления. Превращения человека в волка.

– Судя по тому, что я читал, тебе приходилось исследовать и более странные явления. И не забывай, эти люди лучше всех знакомы с Блейкни… много поколений они жили практически в непосредственном соседстве с этим кланом. Они видели то, что не видели мы с тобой.

Логан глянул на рейнджера с еще большим удивлением. Неужели Джессап мог действительно поверить в такую историю?

Пристально взглянув на друга, Джессап догадался о его мыслях. Он вновь улыбнулся так хорошо знакомой Логану задумчивой и мечтательной улыбкой.

– Теперь ты понимаешь, почему я попросил тебя заехать сегодня в Пиковую ложбину… и почему только тебя я мог попросить об этом. Я имею в виду, посмотрим правде в глаза… что это твоя работа.

Логан мысленно признал, что это правда; как энигматолог, он не мог игнорировать никакой вероятности. К тому же Джессап знал эти леса и их жителей гораздо лучше, чем он.

– Я не говорю, что верю в эту историю, – продолжил Джессап, – вовсе не говорю. Но как рейнджер я также не могу игнорировать этого. Слухи не рождаются на пустом месте. А на этих шести миллионах лесных акров скрывается много странностей.

Логан не спешил с ответом.

– Просто подумай немного об этом деле, – предложил Джессап после продолжительного молчания, – и почитай судебные материалы.

Допив кофе, он опять поставил чашку на подлокотник и устремил пристальный взгляд на залитое лунным светом озерцо.

9

Следующие два дня Логан провел затворником в «Облачных водах». Выдались теплые дни золотой осени, и ночи радовали свежестью и безоблачностью. Он вдруг осознал, что быстро освоился с новым режимом. Пропуская завтрак, он заваривал сам себе много кофе, который потом попивал в течение дня. Ланч, всегда превосходный, приносили ему прямо в коттедж около часа дня. Только вечером он выходил из коттеджа ради ужина в столовой главного корпуса, где познакомился с соседями из ближайших коттеджей – художником-абстракционистом и композитором-пианистом – и где велись неспешные

разговоры о погоде и творческих задумках.

Логан опасался, что ему понадобится много времени для погружения в материалы монографии, но «Облачные воды», похоже, оказали почти магическое влияние: вынужденные уединение и слабые признаки иного бытия в соседних коттеджах способствовали его сосредоточенности. К концу первого дня он оживил в памяти первоисточники и перечитал уже написанные главы; к концу второго он уже активно писал дальше. И именно осознав реальный прогресс своего труда, вечером, после ужина на второй день, он позволил себе ослабить контроль и наконец заглянуть в судебные материалы Джессапа.

Медицинские подробности отчетов мало добавили к тому, что он уже знал об этих убийствах, – за исключением их полнейшей дикой свирепости, которая стала очевидной из свидетельских фотографий, несмотря на все следы разложения. Тела жертв не были съедены, но их расчленили, растерзали на части с поразительной яростью. Разложение трупов позволило дать лишь приблизительную оценку нанесенных ран, а зверская сила, необходимая для подобной расчлененки, была главной причиной, что побудила медэксперта предположить медвежьи нападения.

Остальные общие сведения он уже знал: обе жертвы были заядлыми походниками, обоих убили в окрестностях Уединенной горы, причем именно в период полнолуния.

Отложив судебные материалы, Логан подключился к Интернету и провел полтора часа, изучая сведения о вервольфах. Ситуация оказалась, как он понял, несколько необычной. Существование зомби могло быть объяснено всасыванием в кровоток ядовитого порошка с тетродотоксином, симптомами паралича; вера в вампиров, как полагали некоторые источники, основывалась на симптоматике порфирии[15 - Порфирия – заболевание, среди симптомов которого – сильное воспаление кожи на свету, обезображивание лица и окрашивание в различные оттенки красного выделений организма.] или на массовой истерии, вызванной смертями, приписанными так называемому сербскому вампиру Петру Благоевичу. И тем не менее существование вервольфов всегда казалось с научной точки зрения наименее объяснимым. И в Сети Логан не нашел ничего, что могло бы изменить его мнение. Он признавал, разумеется, случаи болезненной ликантропии – бредовое, даже шизофреническое воображение больного, представлявшего, что он превратился в зверя. Он также узнал кое-что о гипертрихозе, или «синдроме вервольфа», редком заболевании,

сопровождающемся чрезмерным, аномальным ростом волос иногда по всему телу. Однако ни один из этих вариантов не годился для подлинного определения вервольфа: человека, способного реально превратиться в ужасное, подобное волку создание.

Впрочем, никто не отрицал, что легенды о вервольфах, на редкость древние и живучие, уходя корнями во времена Древней Греции, достигли полного расцвета в средневековой Центральной Европе. И в последующие века они продолжали существовать: в книге Клода де Лаваля «Диалоги о ликантропии», увидевшей свет в 1596 году, или в «Анатомии меланхолии» 1621 года, где Роберт Бертон посвятил целую главу ликантропии, или «волчьему безумию», якобы порожденному чрезмерным ублажением меланхолии, при котором страдалец воображал, что превратился в волка. Даже Джон Уэбстер позволил герцогу Фернандо, злодею из его печально известной кровавой трагедии «Герцогиня Амальфи», поддаться такой болезни:

«…кажется ему,

что стал он волком.

Больной на кладбище крадётся ночью

И вырывает трупы из могил.

Два дня тому назад был пойман герцог

За церковью святого Марка в полночь,

Он на плече нёс ногу мертвеца

И страшно выл, и говорил, что волк он —

С той только разницей,

что у него под кожей шерсть,

у волка же – снаружи…»[16 - Пер. П. Мелковой.]

В елизаветинскую эпоху[17 - То есть в Англии времен Елизаветы I (1558–1603).] – Логану удалось раскопать некоторые первоисточники – верфольфов, людей-волков, считали порождением колдовских заговоров или временами объясняли их существование непосредственным вмешательством самого Сатаны. В одном из подобных памфлетов под названием «Подлинная история. Обнародование

проклятой жизни и смерти некоего Питера Штубе, наипорочнейшего колдуна, который, уподобившись волку, совершил много убийств» описывался злодей, который посредством черной магии мог превращаться в волка практически произвольно и особо любил нападать на беременных женщин, «вырывая детей из их чрев кровожадно и свирепо и поедая их сердца, задыхаясь в неукротимой ярости».

В сущности, расхождения всех изученных им историй и описаний касались способов, времени и причин превращения ликантропов из людей в волков, а также того, насколько они могли управлять этим процессом. Однако в одном моменте большинство источников сходилось: в ночи полнолуния вервольфы обладали наибольшим могуществом и свирепостью и минимальной способностью управлять своими звериными позывами.

Вздохнув, Логан закрыл лэптоп. По своей сути занятие энигматологией предполагало сохранение объективности в любом случае, какими бы странными ни казались явления; и он никак не мог объяснить собственного сопротивления, даже скептицизма в отношении возможности существования такого феномена, как ликантропия.

Чувствуя потребность вдохнуть свежий воздуха, он вышел из коттеджа и побрел по дорожке в сторону главного корпуса. Почти все его множество окон испускало теплый желтый свет, а легкий осенний ветерок доносил тихие отголоски разговоров: несомненно, сегодняшнее собрание завершалось обсуждением. Логан невольно сравнивал притягательное гостеприимство этого большого здания с древним, пугающим сооружением, верхнюю часть которого он разглядел за оградой поселения Блейкни.

Дойдя до газона, он направился в сторону озера. Голоса сюда уже не долетали, он слышал только плеск волн перед его ногами и неугомонный вечерний шум лесных насекомых. Луна, уже полностью округлившаяся, низко висела над водой, такая большая, что, казалось, до нее можно дотянуться рукой.

За его спиной послышался тихий звук шагов по траве, а затем проявился и голос:

– Добрый вечер, доктор Логан.

Логан обернулся. К нему подошел управляющий директор турбазы Хартсхорн.

– И вам того же. Прекрасный выдался вечерок.

– Да, это мое любимое время года. Теплые дни, прохладные ночи. В такую погоду отлично спится. Летние туристы уже укатили, а лыжники еще не прикатили. – Лунный свет, играя в директорской гриве белоснежных волос, придавал ей какое-то призрачное сияние. – Как вам работается?

– Замечательно. Учитывая продвижение трудов, возможно, я сокращу срок моего пребывания у вас.

– Мы не допустим этого. – Хартсхорн улыбнулся.

Он выглядел спокойнее, чем во время их первой встречи. Очевидно, скромное бытие Логана успокоило директора.

– Насколько я понял, тот рейнджер навестил вас в первый же вечер, – заметил Хартсхорн с умышленной небрежностью.

«От глаз этого парня, похоже, ничего не скроешь», – подумал Логан.

– Как я и говорил вам, нам с ним есть что вспомнить.

– Вы говорили, что вместе учились в Йеле, – покачав головой, сказал Хартсхорн. – Надо же, рейнджер с высшим образованием. Как интересно.

– Скорее я назвал бы его прирожденным философом, которому выпал случай провести свои дни в лесах.

– Так он просто заглянул к вам по старой дружбе, – усмехнувшись, уточнил Хартсман.

Логан мгновенно сделал верный вывод: Хартсхорну известно об убийствах туристов, конечно, и его интересовало – по неизвестной причине, – не стремился ли рейнджер привлечь Логана к делу.

– Мы с ним не виделись много лет, – ответил он, – с тех пор много воды утекло.

Хартсхорн просто кивнул.

Возможно, осознал вдруг Логан, стоило слегка удовлетворить любопытство директора. В конце концов, если он не проявит ни малейшего интереса к местному фольклору, это будет выглядеть слишком странно и лишь усилит подозрительность Хартсхорна – а ему меньше всего хотелось какой-либо слежки за его здешней жизнью.

– За время работы рейнджером Рэндалл многое повидал, – продолжил он, – а обитатели этого парка, видимо, с удовольствием делятся не только легендами и небылицами.

– Что, естественно, могло заинтересовать вас… я имею в виду, учитывая ваше хобби. Что ж, сам я редко общался с местным населением, однако мне известно достаточно, чтобы относиться к их байкам весьма скептически. Понятное дело, чисто субъективно. Но со мной не согласится, полагаю, разве что Олбрайт.

– Простите?

– Гаррисон Олбрайт. Наш признанный поэт. Он вырос в этом парке, но уехал отсюда подростком. А в конце девяностых вернулся и с тех пор уже обзавелся в Адирондаке собственным домом. Он не оставляет без должного внимания никаких слухов и не сомневается в здешних легендах. Кстати, на следующей неделе он будет выступать у нас с лекцией. Его истории могут порадовать вас.

– Обязательно постараюсь послушать. Спасибо.

– Что же, наслаждайтесь вечерним отдыхом. И удачи вам с монографией. – В очередной раз улыбнувшись, Хартсхорн развернулся и отправился обратно в сторону главного корпуса.

10

На следующий день после ланча Логан не стал возобновлять работу над монографией. Он заказал машину, прошелся по подъездной дороге «Облачных

вод» до шоссе и сам доехал до большой турбазы на озере Саранак, где взял напрокат джип «Рэнглер». Его собственный родстер после заезда на территорию Блейкни выглядел грязным и поцарапанным, и ему не хотелось подвергать его в будущих поездках более серьезным испытаниям. Кроме того, «Рэнглер» здесь будет привлекать меньше внимания.

Оформляя прокат машины, Логан небрежно спросил клерка о Гаррисоне Олбрайте. Оказалось, что он знал не только самого поэта, но и где тот обитает. Оправдались слова, сказанные ему Хартсхорном: «При всей своей обширности Адирондакский парк в определенном смысле склонен оставаться небольшим сообществом». Таким образом, возвращаясь с озера Саранак, Логан проехал мимо поворота к «Облачным водам», направившись дальше на запад, опять свернул с трассы 3 на 3А и принялся, не доезжая пару миль до поворота к Пиковой ложбине, выискивать треугольное строение с красным «Фордом F1» на подъездной дорожке. «По иронии судьбы, – подумал Логан, – пытаясь удержать меня в «Облачных водах» упоминанием об Олбрайте, Хартсхорн, сам того не желая, подсказал мне очередной шаг расследования».

Сегодня утром выпив кофе, Логан зашел в главный корпус и ознакомился с изысканной и разнообразной библиотекой «Облачных вод». Среди многочисленных изданий он обнаружил несколько поэтических сборников Олбрайта: «Из глубины лесов», «Алгонкинская вершина», «Замшелая седловина». Пролистав их, он обнаружил доступные для понимания стихи, написанные в грубоватом стиле, которые тем не менее говорили о значительном мастерстве и природном таланте. Некоторые стихи были навеяны размышлениями о жизни Адирондака, в иных сельских балладах чувствовалось влияние творчества Роберта У. Сервиса[18 - Роберт Уильям Сервис (1874–1958) – канадский поэт и писатель, воспевавший красоты Севера.] и Джона Мейсфилда[19 - Джон Мейсфилд (1878–1967) – английский поэт и писатель, выразитель духа «старой доброй Англии».]. Краткая биографическая справка на задней обложке сборников рекламировала Олбрайта как «новоявленного Дэви Крокетта[20 - Дэви Крокетт (1786–1836) – первопроходец, чьи похождения вошли в американский фольклор.], который родился, образно выражаясь, “с кленовым сиропом в венах”».

Второй раз проезжая по этой трассе, Логан вновь осознал, что удаляется от цивилизации, погружаясь в таинственные глубины обширной дикой природы. Странное осознание: в прошлом исследования в качестве энигматолога заводили его в гораздо более удаленные места – заповедные парки Аляски, в сотни миль к

северу от Полярного круга; болотистые низины южного Судана, известные как Судд, – однако нигде там он не испытывал такой сильной и смутной тревоги, как сейчас, когда направлялся в сторону поселка Пиковая ложбина, уже зная, что поблизости от него находится странная плетеная стена, скрывающая от внешнего мира территорию Блейкни.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Одна из индейских языковых групп, представители которой преимущественно расселены в северо-восточной части США и юго-восточной части Канады.

2

Адирондак – находится в северо-восточной части штата Нью-Йорк.

3

По Фаренгейту, примерно 15,5 градуса по Цельсию.

4

Томас Коул (1801–1848) – известный американский художник-пейзажист, основатель Школы реки Гудзон, одной из наиболее влиятельных школ живописи США XIX века.

5

Луис Комфор Тиффани (1848–1933) – знаменитый американский дизайнер, известный своим особым стилем стеклянных элементов интерьера.

6

Перечислены знаменитые американские художники, входившие в Школу реки Гудзон.

7

Кэмп-Дэвид – загородная резиденция президентов США в штате Мэриленд.

8

Трансцендентализм – философско-художественное течение в США в XIX веке, опиравшееся на многие идеи немецкого идеализма: бог как нравственный закон, природа как живой, обладающий духом организм и пр. Указанные авторы

принадлежали к этому течению.

9

Видимо, имеются в виду американский ученый Бенджамин Франклин (1706–1790) и немецко-американская исследовательница Ханна Арендт (1906–1975).

10

«Черная смерть» – пандемия чумы в XIV в.

11

Цитируется рассказ «Вендиго» Элджернона Блэквуда о людоеде, чей образ создан на основе алгонкинской мифологии.

12

Цитата из стихотворения Уильяма Водсворта (1770–1850), английского поэта-романтика. (Пер. В. Левика.)

13

Осада правительством США ранчо секты «Ветвь Давидова» в 1993 году, прошедшая с многочисленными жертвами, в том числе среди детей.

14

Ликантропы – человековолки (греч.).

15

Порфирия – заболевание, среди симптомов которого – сильное воспаление кожи на свету, обезображивание лица и окрашивание в различные оттенки красного выделений организма.

16

Пер. П. Мелковой.

17

То есть в Англии времен Елизаветы I (1558–1603).

18

Роберт Уильям Сервис (1874–1958) – канадский поэт и писатель, воспевавший красоты Севера.

19

Джон Мейсфилд (1878–1967) – английский поэт и писатель, выразитель духа «старой доброй Англии».

20

Дэви Крокетт (1786–1836) – первопроходец, чьи похождения вошли в американский фольклор.

Купить: https://tellnovel.com/ru/linkoln-chayld/volch-ya-luna

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить